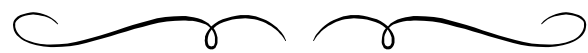
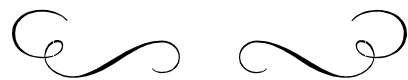

КНЯЗЬ
Дмитрий Александрович
Оболенский

Жизнь · Служба · Записки

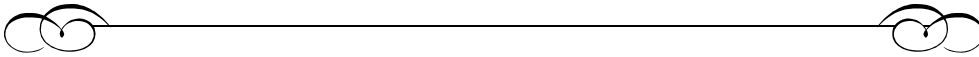

— |

| —

— |

| —

Дневники и воспоминания — вид документов, возникший в России сравнительно поздно, только в результате грандиозных петровских преобразований, развития грамотности и школы, знакомства с европейской культурой и литературой, обретением привычки к развивающему чтению. Лишь во второй половине XVIII в. появляются первые российские мемуары, насчитывающиеся буквально единицами. Но, поздно в России появившись, мемуаристика в XIX в. развивается стремительно, переживает бум. Появлению мемуаров способствуют многие обстоятельства: и интерес к жизни отдельного человека, и вовлечение России в орбиту мировых событий, и распространенный обычай делать дневниковые записи. Ведение дневника, как и неперемное присутствие в гостиных альбомов, куда гости записывали стихи, изречения, экспромты, — неперемная часть культуры XIX в. Этому в немалой степени способствовало то обстоятельство, что педагогика того времени в перечне своих дисциплинирующих учащихся приемов числила и составление поденных записей. Вечерами нужно было заносить в дневник наиболее важные события прошедшего дня, отдавая себе отчет в сделанном и неудавшемся, хорошем и плохом, достижениях и проступках. А от дневников к воспоминаниям был прямой путь: они помогали восстановить в памяти события, хронологию, переживания. Выдержки из дневников читают в гостиных и салонах, печатают в сборниках и журналах. Во второй половине XIX в. появляются один за другим несколько «толстых» исторических журналов («Русский архив», «Русская старина», «Исторический вестник»), предназначенных вовсе не для узкого круга историков, а для широкой читательской аудитории, интересующейся такого рода чтением. Издатели этих журналов способствуют вниманию общества к мемуаристике и стимулируют ее создание прямым обращением к потенциальным держателям рукописей или просьбами о написании воспоминаний о людях и событиях. Дневники и воспоминания быстро находят своего издателя.

Ситуация резко изменилась в XX в.: ведение дневников стало опасным, воспоминания о прошлом, казавшемся столь благополучным, были не востребованы, а самое главное — войны и революции несли гибель личным архивам. И тем не менее время от времени обнаруживаются в государственных архивах и остатках частных коллекций, среди семейных бумаг — старые дневники, рассказывающие о прошлом, уже далеком и неведомом. К их числу принадлежат и «Записки» князя Д. А. Оболенского, сбереженные потомками.

Князь Дмитрий Александрович Оболенский (1822–1881 гг.) в свое время был фигурой очень значительной, государственным человеком, по справедливости имеющим право быть отнесенным к числу деятелей «великих реформ»

царствования Александра II. В то время он принадлежал ко второй шеренге либеральной бюрократии — директорам департаментов, товарищам министров, которые были реальными двигателями государственного механизма, готовили для своих патронов, имена которых у всех на памяти, доклады, записки, затем представляемые министрами от своего имени.

Д. А. Оболенский по своему рождению и происхождению был предназначен для государственной деятельности. Он принадлежал к самой древней и знатной части русского дворянства — к Рюриковичам, стоявшим у истоков создания Российского государства и затмевавшим род Романовых своей древностью, что последними часто воспринималось весьма болезненно.

Д. А. Оболенский родился в октябре 1822 г. в семье, где скрестились два княжеских рода. Его отец, Александр Петрович Оболенский, был высокого ранга чиновником, в свое время близким к семье великой княгини Екатерины Павловны и принца Георга Ольденбургского. Его мать, Аграфена Юрьевна, принадлежала к роду князей Нелединских-Мелецких; ее отец, статс-секретарь Павла I, человек, служивший по управлению благотворительными учреждениями, которыми занималась императрица Мария Федоровна, был еще и известным поэтом круга И. И. Дмитриева, В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова. Но Оболенский знал деда Юрия Александровича только в последние годы его жизни, уже отошедшим от дел и поэтических занятий, больным, доживающим свои дни у дочери Аграфены в Калуге. В самом начале 1825 г. А. П. Оболенский был назначен калужским губернатором, многочисленная семья переехала в Калугу, и там прошло его детство, сначала — очень счастливое, в кругу любящей и любимой матушки, любимых и почитаемых отца и деда. Ему не было и семи лет, когда умерли Аграфена Юрьевна и ее отец; умерли они в одно время, и никогда не были забыты Д. А. Оболенским. В их семье существовал обычай ежегодного, по крайней мере, посещения родных могил. Вообще Калуга, как и Москва, были для Оболенского родными местами, где он с удовольствием бывал, где жили его родные и знакомые. Не только его отца-губернатора помнили долго, еще и его матушка осталась в памяти калужан как образцовая губернаторша и высокой души женщина. О ней как не забытой калужанами писал А. О. Смирновой-Россет Н. В. Гоголь; И. С. Аксаков, служивший в 1840-х годах в Калуге, это подтверждает¹.

Начальное образование Д. А. Оболенского типично для знатного дворянского дитяти первой трети века: детей было принято поначалу обучать дома с помощью гувернеров, заботившихся о том, чтобы научить питомцев иностранным языкам — французскому и немецкому преимущественно, начальным знаниям письма, счета и предметам по выбору и возможностям гувернеров, а также — о воспитании питомцев, прививая им манеры и понятия по своему усмотрению. В домах, где глава семейства служил, а значит — был занят, очень важную роль в начальном образовании детей играла мать, которая должна была следить за ходом учебы, заботиться о наличии учителей. И когда Аграфена Юрьевна умерла, семья оказалась в растерянности: что делать с малыми детьми — де-

¹ Аксаков И. С. Письма к родным: 1844–1849. М., 1988. С. 284–285.

вочками и подраставшими мальчиками, которых надо было определять в школу? Отец, вскоре переведенный на службу в Москву, поступил так, как это было тогда заведено: девочек взяли в свои семьи многочисленные родственники, мальчики были отданы в семью калужского помещика С. Я. Унковского, человека, пользовавшегося хорошей репутацией. Дело еще заключалось в том, что у него были свои сыновья, близкие по возрасту братьям Оболенским, и в той семье тоже стояла задача их домашнего образования. Младшие Оболенские сначала учились в семье С. Я. Унковского, где создалось нечто вроде небольшого пансиона и преподавали гимназические учителя (сам Унковский со временем стал директором гимназии); в середине 1830-х годов по распоряжению Николая I он был переведен в Московский университетский пансион, и тогда все Унковские и Оболенские оказались в Москве. Университетский пансион, заведение с очень хорошей репутацией, было предназначено в качестве школы для обучения дворянских детей, причем для дворян среднего достатка, с тем чтобы они потом могли поступить в университет. В то время еще было распространено домашнее образование, и часть дворянских семей шла по этому пути, однако это было не только дорогостоящее, но и хлопотное предприятие, поскольку требовало систематичности обучения, круга учителей. Можно было пойти по более простой стезе, воспользовавшись услугами частных пансионов или государственных учебных заведений вроде благородных пансионов, существовавших при университетах. Некоторое время Оболенский живет и учится в Москве, с которой сроднился и где приобрел друзей на всю жизнь: Ю. Ф. Самарина — своего двоюродного брата, немногим его старше (мать Юрия Федоровича была родной сестрой Аграфены Юрьевны), и И. С. Аксакова, своего сверстника. В то время военная служба уже перестает быть единственным достойным поприщем для мальчиков из дворянских семей. Государственная деятельность требует хорошо подготовленных людей, университеты делают только первые шаги, студентов в них немного, вот и возникают при Александре I Царскосельский (Александровский) лицей, при Николае I — Училище правоведения.

Создание Училища правоведения — важная веха в истории постановки юридического образования в России. У его колыбели стояли принц П. Г. Ольденбургский и М. М. Сперанский. Юный Ольденбургский, назначенный императором Николаем I присутствовать в Сенате, очень скоро вынес убеждение в необходимости создания высшего специального учебного правоведческого заведения под эгидой Министерства юстиции, которое бы поставляло российскому управлению образованных юристов. Его идея была поддержана Сперанским, и в 1835 г. оно открылось в Петербурге. Оно было рассчитано на детей потомственных дворян, мальчиков 12–15 лет, которые бы не только учились, но и жили в училище, воспитывались в нем; обучение продолжалось 6–7 лет, преподавалось, в частности, делавшее только первые шаги как наука русское право. Училище располагалось на Фонтанке, напротив Летнего сада, в самом центре столицы, рядом с дворцом Ольденбургских, и пользовалось неизменным вниманием учредителя. Ежегодно училище должно было выпускать два десятка образованных чиновников, которые обязаны были по окончании непременно отслужить в ведомстве Министерства юстиции 6 лет. Выпускники предназна-

чались для службы в министерстве, но не только: с помощью этих новых людей власть надеялась улучшить и работу провинциальных судебных учреждений, а потому предусматривалась ежегодная доплата к жалованью выпускникам, отправившимся на службу в российские губернии.

Д. А. Оболенский не значится в числе воспитанников первого года существования училища. Им был Г. С. Аксаков, за ним и отправились затем И. С. Аксаков, Д. А. Оболенский, сын Унковского Федор. Оболенский и И. С. Аксаков вместе учились и выпущены в одном году — 1842-м. Они с тех пор дружили и относились друг к другу с нежностью, хотя жизнь и разводила их время от времени. После Училища правоведения И. С. Аксаков оказался в родной для Оболенского Калуге, а Оболенский, после короткого пребывания в Сенате, затем в Министерстве юстиции (очевидно, в ожидании назначения), был министром юстиции отправлен в Казань «исправляющим должность губернского уголовного дел стряпчего» (1844 г.), но в том же году переведен в Тулу, в Палату не уголовного, а гражданского суда, на должность товарища председателя. Однако уже через год он оказывается в столице, продолжая служить в ведомстве Министерства юстиции, на этот раз в должности «товарища председателя I Департамента С.-Петербургской палаты гражданского суда». Затем он «по выбору дворянства» занимает должность «председателя I департамента», некоторое время «исправляет должность совестного судьи», получает очередные чины согласно Табели о рангах.

Осенью 1846 г. в Москве он венчается с дочерью орловского военного губернатора княжной Дарьей Петровной Трубецкой, и первое, что молодожены предпринимают в качестве свадебного путешествия, — отправляются в Калугу, навещают могилы родственников, там встречаются с калужским обществом. По-видимому, брак был благополучным: у них было шестеро детей — три сына и три дочери. Сыновья — Александр, Алексей и Николай — служили, дочери — Варвара, Елизавета и Мария — стали замужними дамами — Бибиковой, Новосильцовой и Гагариной. Жили Оболенские в Петербурге, поначалу на Сергиевской, а затем на Невском проспекте.

В Петербурге Оболенский становится на стезю делающего карьеру петербургского чиновника. Все было за то, чтобы он ее выбрал: и происхождение, и полученное образование, и, очевидно, характер. И. С. Аксаков в 1849 г. уходит с государственной службы, предпочитает свободную жизнь помещика, общественного деятеля, а Оболенский — службу. К этому его побуждают более толерантный характер и необходимость содержать семью. В Петербурге Д. А. Оболенский входит в круг высшего образованного петербургского общества, чему в немалой степени способствует его близость ко двору великой княгини Елены Павловны. Эта немецкая принцесса, вышедшая замуж за великого князя Михаила Павловича, сильно отличалась от многих других членов правящей фамилии: она считала, что великокняжеское достоинство дает не только права, но и накладывает обязанности, необходимость заботы о престиже августейшей семьи, создании вызывающего уважение имиджа. Кроме того, способности, образование склоняли ее к тому, чтобы выйти за рамки светско-придворной жизни, ее тянуло к людям культуры, и она всегда охотно откликалась на просьбы о помощи литераторам, искусству, занималась благотворительностью, образова-

нием. Ее дом (Михайловский дворец) считался образцом вкуса и хорошего тона. В своей постоянной деятельности она нуждалась в помощниках, которые были бы и безупречного происхождения, и дельными людьми, с тем чтобы им можно было давать частные поручения, и скромными в рассказах о патронессе. Услышав от кого-то об Оболенском, она пригласила его к себе в дом, и завязалось знакомство, продолжавшееся четверть века. Одним из их общих деяний была помощь в посмертном издании сочинений Н. В. Гоголя. Между прочим, в то время было принято (это было одним из салонных способов времяпрепровождения) читать вслух новые сочинения, привлекая внимание, ценились и хорошие читатели. Д. А. Оболенский был посетителем салона А. Н. Карамзина, сына Николая Михайловича Карамзина — известного историографа царствования Александра I. Известно, что в его салоне Д. А. Оболенский читал Гоголя. А. В. Никитенко, присутствовавший там, занес в свой дневник: «Обедал у А. Н. Карамзина. После обеда читаны были неизданные главы “Мертвых душ” Гоголя. Чтение продолжалось ровно пять часов, от семи до двенадцати. Эти пять часов были истинным наслаждением. Читал, и очень хорошо, князь Д. А. Оболенский»².

Октябрь 1853 г. — переломный и определяющий момент в карьере Д. А. Оболенского. Он был «переведен» в Морское министерство, возглавлял которое великий князь Константин Николаевич в качестве «управляющего» Морским министерством. Россия в то время стояла на пороге войны с Турцией, неожиданно обернувшейся войной с Англией и Францией. Великий князь Константин Николаевич, которому еще в 4 года было предназначено Николаем I стать во главе Российского флота и дано звание генерал-адмирала, до этого времени был стеснен авторитетом приставленного к флоту человека немолодого, на седьмом десятке лет, независимого, язвительного остролова князя А. С. Меншикова. Уже совершеннолетний и честолюбивый великий князь, ощутивший потребность в наведении иных порядков на флоте, был связан в своих действиях. Отправка в начале 1853 г. А. С. Меншикова с дипломатическими поручениями из Петербурга развязала Константину Николаевичу руки, а надвигавшаяся война заставляла думать о переменах. Осенью 1853 г., уже осмотревшись и наметив себе некую программу действий, он начинает с того, что собирает в Морское министерство молодые кадры, причем не только моряков, но и гражданских чиновников — А. В. Головнина, М. Х. Рейтерна. Среди них оказался, возможно по рекомендации его тетки Елены Павловны, и Д. А. Оболенский. Такое привлечение штатских лиц было вполне объяснимо: Константин Николаевич был намерен навести порядок в ведомстве, основать его деятельность на разумном законодательстве, а для этого требовались грамотные юристы. Оболенский как нельзя лучше соответствовал этим требованиям. Кроме того, Константину Николаевичу требовались и советники, и помощники, словом — профессиональное окружение, с которым он мог бы работать: советоваться и доверить исполнение всякого рода поручений и новаций по ведомству³. Обо-

² *Никитенко А.В.* Дневник: В 3-х тт. Л., 1955. Т. 1. С. 360.

³ Подробнее об этом см.: *Шевырев А.П.* Русский флот после Крымской войны: либеральная бюрократия и морские реформы. М., 1990. С. 14–48.

ленскому, назначенному на должность директора Комиссариатского департамента (это была должность гражданского чиновника, он и числился среди лиц «гражданского ведомства»), предстояло, во-первых, освоить весь спектр хозяйственной деятельности Морского министерства, ибо это был интендантский отдел Морского министерства, связанный с подрядами, заготовками, госпиталями и пр. Но тот факт, что сразу же после перехода в Морское министерство ему поручают составление Свода провиантского и комиссариатского уставов, выдает подоплеку его назначения: большую долю в его служебных обязанностях должна была занимать та самая юриспруденция, школу которой он уже прошел.

Известно, что в начале царствования Александра II Морское министерство оказалось во главе движения за преобразования и даже первым их начало. Оказывается, подготовка к этой роли лидера в кругу министерств была осуществлена еще в недрах николаевского царствования, и когда произошла примерно через год с четвертью смена царствований, Морское министерство было уже готово к этому, имея в своем составе кадры молодых, современных, амбициозных деятелей, прошедших некоторую практику. Так сложились обстоятельства, что Оболенский оказался в рядах тех, кого потом стали называть «шестидесятниками» и кого неизбежно вспоминали, ссылаясь на масштабы проведенных реформ.

Наверное, не все привлеченные великим князем Константином Николаевичем чиновники выдержали испытание; вероятно, у него были и разочарования, но Д. А. Оболенский проверку выдержал. Он вошел в круг ближайших сотрудников великого князя. Имя его постоянно встречается в дневниках Константина Николаевича как имя ближайшего сотрудника, с которым он вместе «работает», ездит по делам ведомства, и когда великий князь собирает у себя интимный кружок на «обед», то Оболенский неизменно оказывается в нем ⁴.

Не любивший Константина Николаевича С. Д. Шереметев, человек следующего поколения, назвав Оболенского «либералом и практиком», «бывшим правоведом», охарактеризовал его так: «Был одним из спутников того светила, который просиял в Мраморном дворце»⁵. Отметим вскользь, что к этому времени Оболенский созрел и для практической деятельности, и для ведения дневника, ибо именно с этого времени он начинает делать записки.

10 лет жизни было отдано Д. А. Оболенским Морскому министерству в самые замечательные годы жизни этого ведомства, в его «звездный час». Вокруг великого князя Константина Николаевича тесно сплотилась группа молодых единомышленников, к которым прочно и навсегда приклеилось прозвание «константиновцев». Оболенский формально был директором Комиссариатского департамента, но значение его выходило за пределы должности. Генерал-адмирал числил его среди своих ближайших сподвижников и, как известно из

⁴ 1857–1861 гг.: Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем. Дневник великого князя Константина Николаевича. М., 1993. С. 55, 176, 195 и др.

⁵ Шереметев С. Д. Мемуары. М., 2001. С. 66.

его дневника, безоговорочно ему доверял. Деятельность Оболенского в это десятилетие была многогранной. Она состояла из рутинной, повседневной службы директора департамента (кстати, вице-директором у него был дед В. В. Набокова, будущий министр юстиции Д. Н. Набоков). Кроме того, он был из числа тех сотрудников Морского министерства, кого великий князь Константин Николаевич постоянно привлекал как правоведа. Он занимался кодификацией тех морских и военно-морских законов, которые во второй половине 1850-х годов систематизировались, дополнялись, изменялись в особых комиссиях. Как доверенное лицо генерал-адмирала он постоянно исполнял его поручения. В 1856 г. Оболенский подготавливал поездку группы российских литераторов, в числе которых был А. Н. Островский, вниз по Волге с целью изучения экономики и быта приволжского населения. Поездка была организована под эгидой Морского министерства и должна была иметь результатом серию статей о состоянии экономики и жизни Поволжья для издаваемого министерством журнала «Морской сборник».

В самом начале 1854 г., по частной просьбе генерал-адмирала, Оболенский ездил на Дон с целью выяснения возможности добычи там угля на случай, если обострившиеся отношения с Англией прервут поступление в Россию английского антрацита. Он не только убедился в реальности его добычи, но еще и договорился о таких поставках. Был он командирован и в Николаев с инспекционно-ревизионной целью (1857 г.), когда великого князя уведомили о наличии в этом порту злоупотреблений и хищений. Каждая такая поездка укрепляла его репутацию и сопровождалась выражением благодарности.

Д. А. Оболенский, работая в передовом министерстве того времени, способствовал продвижению разрабатываемых тогда реформ. Большое значение в деле отмены крепостного права и той формы, которую приняла крестьянская реформа 1861 г., сыграла записка его родственника, друга и бесспорно авторитетного человека Ю. Ф. Самарина. Участие Оболенского в крестьянской реформе выразилось в том, что он помогал ее распространению. Гораздо большим было его участие в судебной реформе. По мнению исследователя, занимавшегося ее историей, «еще предстоит» в полной мере оценить вклад Оболенского в принятие этой считающейся самой последовательной и демократической реформы 1860-х годов. М. Г. Коротких рассказывает: когда правительственные круги начали, вслед за разработкой крестьянской реформы, готовить столь же назревшую судебную и стали формировать концепцию нового судостроительства, то обратились к уже имевшемуся в России опыту подготовки законопроектов по судебной части. Причастный к этому председатель II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии Д. Н. Блудов подал Александру II записку, доказывая, что Россия еще не готова к широкомасштабной реформе, во всяком случае к суду гласному, с участием адвокатов и присяжных заседателей. Император, предпочитавший во всем «постепенность», немедленно согласился, и предстоящая реформа сразу же была ограничена очень узкими рамками. Тогда великий князь опять-таки обратился с личной просьбой к Оболенскому, находившемуся за границей, дать отзыв о записке Блудова. Тот написал отзыв, настаивая на полнокровной судебной реформе, которая бы учла все последние достижения мировой юридической науки

и практики, отстаивая гласность, состязательность сторон, что достигалось включением в судебный процесс адвокатов, и своего рода учет общественного мнения с помощью создания суда присяжных. Константин Николаевич распространил отзыв Оболенского, который не только произвел сильное впечатление своей убедительностью, но еще и повернул на новый путь приостановленный было процесс разработки судебной реформы⁶.

Еще большим было участие Оболенского в деле разработки цензурной реформы. В марте 1862 г. он, чиновник Морского ведомства, был по высочайшему повелению поставлен во главе комиссии, приступившей к разработке законопроекта цензурного Устава. Такое на первый взгляд странное назначение имеет простое объяснение. Александр II, решившийся на проведение «пакета» реформ, вынужден был искать министров, способных для их разработки и проведения, и в декабре 1861 г. назначил сотрудника Морского министерства А. В. Головнина министром народного просвещения. Одной из важнейших задач этого министерства было преобразование цензуры, находившейся тогда в ведении Министерства просвещения. Цензурная реформа была до такой степени сложным делом, что, начатая сразу же после смены на престоле верховного правителя, долго не могла быть доведена до законосовещательного учреждения. Российская бюрократия была еще не готова воспринять какую бы то ни было мысль о смягчении цензуры: все действия бюрократии в широком понимании этого слова были неподконтрольны общественному мнению, и она не соглашалась стать предметом обсуждения. Предварительная цензура улавливала критические статьи о политике правительства и вообще все то, что не должно было быть пропущено в печать, держалась за старый порядок. В поисках человека, который бы смог в законопроекте и сохранить контроль администрации над печатью, и одновременно дать прессе некоторый «простор» и «гласность», А. В. Головнин обратился к Оболенскому, принявшемуся за дело.

Д. А. Оболенский стал председателем двух комиссий, разработавших в 1862 г. проект новых правил о печати – сначала для Министерства народного просвещения, а затем, на следующий год, когда цензура перешла в ведение Министерства внутренних дел, — другую редакцию проекта. Работал он в тяжелейших условиях, испытывая давление со стороны литераторов, общественных деятелей — между прочим, старого друга И. С. Аксакова, в то время предлагавшего цензуру вообще уничтожить⁷, — и административных сфер, настаивавших на сохранении для себя возможности влиять на печать.

Д. А. Оболенский, которому мы обязаны тем, что располагаем обильным изданием документов по истории цензуры, разного рода очерками, справками, сводками, собраниями постановлений (это было предназначено для обеспечения полноценной работы комиссии), сумел пройти между Сциллой и Харибдой, между обществом и властью, сохранив цензуру для части изданий и пред-

⁶ *Коротких М. Г.* Судебная реформа 1864 г. в России: Сущность и социально-правовой механизм формирования. Воронеж, 1994. С. 71–82.

⁷ *Цимбаев Н. И.* И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 116–117.

ложив столичной периодической печати право выходить безцензурно, подвергаясь лишь дотоле не существовавшей цензуре «последовательной», карающей за нарушение закона о печати. В недрах его комиссии была разработана и структура управления цензурой, просуществовавшая вплоть до революции.

1863 год, как и 1853-й, был в жизни Д. А. Оболенского поворотным: он ушел из Морского министерства в Министерство финансов. Это был естественный путь «константиновцев». К тому времени великий князь, еще в 1857 г. выведенный Александром II на путь общегосударственной, а не только ведомственной, деятельности, покинул Петербург; его окружение — А. В. Головин, М. Х. Рейтерн, Д. А. Толстой — оставило ведомство. М. Х. Рейтерн стал министром финансов, сам Оболенский дослужился до чина тайного советника и перерос, таким образом, свою должность. Очевидно, Рейтерн учитывал это обстоятельство, приглашая Оболенского на должность директора Департамента внешней торговли, ведь тайный советник — это должность товарища министра и даже министра. Оболенский в очередной раз должен был погрузиться в новую, неведомую ему сферу, хотя отчасти и соприкасавшуюся с его прежней деятельностью.

По-видимому, в будущем Оболенскому была уготована должность товарища министра финансов, но повороты судьбы не вывели его к этому посту. В 1863 г. Он принял Департамент внешней торговли, который объединял под своей властью и хозяйственные, и финансовые дела: директор департамента должен был заниматься как организацией таможенной службы, так и собственно таможенными доходами.

Д. А. Оболенский перешел в Министерство финансов в тяжелое для российских финансов и управлявшего ими ведомства время. От нового министра М. Х. Рейтерна требовалось решение нелегкой задачи оздоровления российской казны, опустошенной Крымской войной, финансирования проводимых реформ (кредитование выкупной операции по крестьянской реформе, перевооружения армии и флота и т. п.). Рейтерн, которого специально готовили на должность министра финансов, начал свою деятельность с попытки укрепления курса рубля, истощенного выпуском бумажных денег и займами. Создав золотой запас, он объявил о переходе в начале 1863 г. на свободный размен бумажных денег на звонкую монету. Однако тогда же начавшееся восстание в Царстве Польском сорвало эту реформу, потребовав чрезвычайных расходов на обеспечение его подавления. К тому же российские обладатели бумажных денег не стали ждать лучших времен и поспешили с совершением обменных операций. Осенью 1863 г. обмен бумажных денег на монету из драгоценных металлов пришлось прекратить. По репутации министра и его амбициям был нанесен тяжкий удар, и он стал осторожней в своей программе. А вскоре Россия вообще попала вслед за странами Западной Европы в полосу экономического кризиса, министр финансов подвергся прямым нападкам коллег и оказался на грани отставки. Ему стали искать замену и нашли в бывшем сослуживце Оболенского по Морскому министерству — С. А. Грейге, в финансовых способностях которого почти все сомневались. Но, поскольку министру финансов была предоставлена возможность подать экономическую программу, а вместе с тем откла-

дывалась и его отставка, то С. А. Грейг был на это время назначен товарищем министра финансов, а значит, если Рейтерн и вынашивал план назначения Оболенского своим заместителем, то с назначением Грейга он должен был оставить его, и Оболенский оказался снова в должности директора Департамента, — сначала внешней торговли. Через год после его вступления в должность в Министерстве финансов были произведены структурные изменения, и Департамент внешней торговли, занимавшийся разного рода хозяйственными и техническими делами по организации внешнеторговой деятельности России, а с другой стороны, финансовой, — таможенными сборами, был разделен. Сама внешняя торговля вошла в другой департамент (Департамент торговли и мануфактур, составив нечто вроде торгово-промышленного отдела внутри Министерства финансов), а Оболенскому была оставлена собственно налоговая, т. е. финансовая, часть, что косвенно свидетельствует о том, что его готовили кобретению налогового и финансового опыта.

Дневника в то время, т. е. в 1860-е годы, он не вел, и потому судить о том, что его занимало, довольно трудно. Но можно наметить несколько важных акций финансового ведомства, в которых он по долгу службы принимал непосредственное участие.

Это, во-первых, его включение в состав учрежденной еще в 1859 г., примерно тогда, когда правительство сформировало свою условную программу реформ, так называемой Податной комиссии. Ее официальное название — Высочайше учрежденная комиссия по пересмотру системы податей и сборов. Иначе говоря, ей предстояло найти оптимальные принципы налогообложения. Поскольку правительство опасалось, что простое повышение прямых налогов, которые платили низшие, «податные состояния», неэффективно, ибо может привести только к росту недоимки, была создана Податная комиссия. При учреждении ей были, как водится, поставлены задачи трудные, если вообще разрешимые: отказаться от сословности в деле налогообложения, отменить подушную подать, составлявшую самый большой прямой налог в России, понизить лежащие на крестьянах подати. При этом комиссии надлежало еще и обеспечить принятие таких мер, которые бы не допускали уменьшения поступлений в казну. Но главной ее целью все же было преобразование подушной подати. Податная комиссия прошла уже пик своей активности, но это была очень хорошая школа для постижения экономической теории и практики. Деятельность Комиссии (во главе ее стоял известный экономист Ю. А. Гагемейстер) была хорошо организована, ее члены изучали постановку налогового дела в странах Западной Европы, обсуждали предложения о преобразовании налогов, печатали «Труды» Комиссии, собирались на заседания. Правда, при обилии изданных ею трудов практически за два десятка лет существования она, опутанная неисполнимыми инструкциями, так и не смогла предложить что-либо, радикально выводящее налоговую систему из кризиса, но, несомненно, участие в ее работе было превосходной школой, где собрались сильные экономисты-практики и ученые. Только в конце 1860-х годов Податная комиссия выработала проект превращения личной подушной подати в реальный налог на земли и усадьбы крестьянского населения, т. е., по сути дела, сохранила в тех же размерах по-

душную подать и того же налогоплательщика. Поэтому проект ее был отклонен и остался нереализованным⁸.

Во-вторых, Оболенский занялся улучшением дела со сбором таможенных пошлин, причем, поскольку в то время таможенная политика не менялась существенно, внимание директора Таможенного департамента было сосредоточено главным образом на том, чтобы препятствовать контрабандной торговле на российской западной границе, прежде всего с Австрией. Почти ежегодно летом, когда другие отправлялись в вакационное время в отпуск в имения, за границу и т. п., он отправлялся ревизовать таможи Юго-Западных губерний России, Царства Польского, Бессарабии, причерноморских городов, с тем чтобы обнаружить злоупотребления.

И, наконец, третье направление его деятельности, — это участие в работе Тарифной комиссии.

Постановка вопроса о тарифах была связана с представленной министром финансов осенью 1866 г. программой оздоровления российских финансов, найденной столь успешной, что вопрос об отставке был снят с повестки дня, между прочим, в немалой мере еще и потому, что его товарищ, С. А. Грейг, обнаружил свою неподготовленность к деятельности в этой сфере. Рейтерн предложил оздоровить финансы режимом экономии, созданием бездефицитного бюджета, усиленным железнодорожным строительством. Но в активные действия он не включался, заслужив упреки в том, что он не министр финансов, а министр Казначейства. Он проводил осторожную, бережливую политику, пытаясь отыскать хоть небольшие источники возрастания доходов. Один из них Рейтерн увидел в возможности извлечь их из Таможенного ведомства. В 1867 г. он представил записку о пересмотре таможенного тарифа. Поскольку ей придавалось принципиальное, программное значение, дело рассматривалось 29 июня 1867 г. под председательством К. В. Чевкина. Пересмотр таможенного тарифа характеризовался как «достижение правильной торговли». С этой целью он предлагал создать Тарифную комиссию, и она была утверждена при Государственном совете. Рейтерн, говоривший, несомненно, с голоса директора департамента, указывал на необходимость пересмотра таможенного тарифа 1857 г., который не дал приращения таможенных доходов, между тем как возрастающие государственные расходы требовали источников поступления на их покрытие. Он не настаивал на радикальном их изменении, но считал нужным изменить их в таких частностях, которые будут признаны «полезными», причем (и здесь видно влияние инспекционных поездок Д. А. Оболенского) «полезность» должна была соотносываться с тем, что высокие пошлины способствуют развитию контрабанды и должны быть снижены — как с целью противодействия значительному контрабандному промыслу, вызванному чрезмерностью пошлин, так и в видах облегчения правильной торговли. Тарифная комиссия, по его мнению, внесла бы свои предложения относительно «большой

⁸ Подробнее см.: *Чернуха В. Г.* Всеподданнейший доклад Комиссии П. А. Валуева от 2 апреля 1872 г. как источник по истории податной реформы в России // *Вспомогательные исторические дисциплины*. Л., 1969. Т. 2. С. 262–269.

соразмерности» между тарифными пошлинами и ценами на такие товары, которые «водворяются контрабандой». Кроме того, речь шла об упрощении тарифной сетки и таможенного счетоводства, уравнивании пошлин по морскому и сухопутному привозу, о понижении пошлин с «фабричных материалов».

Итак, Тарифная комиссия должна была внести в тариф 1857 г. такие изменения, которые бы способствовали развитию внешней торговли и тем самым увеличили таможенный доход, а с тем вместе упростили бы отчетность по таможенным доходам, унифицировав некоторые тарифы и сократив их число. Контрабанду предполагалось обуздать снижением тех пошлин, которые ее порождают, ибо, считали в Министерстве финансов, контрабанда возникает тогда, когда пошлины на товар высоки, а спрос на товар по более низкой цене наличествует.

Предложения Рейтерна были приняты, Комиссия создана, вскоре такие предложения были ею представлены, что свидетельствует об их предварительной подготовленности, и Оболенский в числе прочих лиц, занимавшихся тарифом, получил поощрение в виде единовременной премии в 3 тыс. руб.⁹ Министерство финансов не давало ему возможности дальнейшего продвижения по службе. Между тем правила чиновной «карьеры» требовали восхождения по ступеням должностной лестницы. Поэтому в начале 1870 г. он переходит в Министерство государственных имуществ, во главе которого в то время стоял Александр Алексеевич Зеленый. Оболенский был приглашен на место товарища министра. После должности директора департамента это было продвижение по службе, еще один шаг к министерскому креслу.

Министерство государственных имуществ в то время уже прочно перешло в разряд министерств второстепенных. Созданное в 1837 г. для проведения реформы в государственной деревне, оно должно было выработать модель организации жизни деревни крепостной, помещичьей. Но после отмены крепостного права в последней и принятия закона 1866 г. о повторной реформе деревни государственной с целью уравнивания положения освобожденных крепостных и государственных крестьян Министерство государственных имуществ, со временем обросшее подразделениями и обязанностями, как бы утратило необходимость в самостоятельном существовании, поскольку все крестьянство постепенно должно было перейти в ведение Министерства внутренних дел. Можно было продолжать поддерживать его существование, можно было подумать над его преобразованием и приданием ему новых функций. А. А. Зеленый, в это время уже часто и подолгу болевший, готовился к уходу на покой. Оболенский в короткое время своего пребывания в качестве товарища министра часто его замещает, встречается с императором на еженедельно представляемых докладах по министерским делам, как важным, так и незначительным (вроде наград служащим). Назначение его в Министерство государственных имуществ совпало со временем, когда в правительственных кругах в очередной раз возникает мысль о необходимости создания в России специального Министерства промышленности и торговли. Александр II, встречаясь с Оболенским, посвящает его в эти

⁹ Это отмечено в его формулярном списке. См. также: *Лодыженский К.* История русского таможенного тарифа. СПб., 1886. С. 7.

планы, и становится очевидным, что именно ему предстоит занять кресло либо министра государственных имуществ, поскольку Зеленый уже говорит об отставке, либо стать главой вновь созданного Министерства торговли и промышленности. В 1870 г., как раз в момент перехода в Министерство государственных имуществ, он возобновляет ведение дневника, и все обстоятельства управления им этим министерством и ухода из него там нашли некоторое отражение.

Однако в дело вмешивается случай. Покушение 4 апреля 1866 г. Д. В. Каракозова на императора явилось тревожным знаком недовольства, и Александр II пошел проторенным путем смены министров и укрепления власти. Ушел в отставку прежний шеф жандармов и был заменен графом П. А. Шуваловым — человеком молодым, амбициозным и принадлежавшим к той группе дворянства, которую называли «аристократической партией». Уволен был министр народного просвещения. В новом шефе жандармов, должность которого в этом случае приобретала первостепенное значение, недовольное крестьянской реформой помещное дворянство увидело своего лидера. Нужно сказать, что отмена крепостного права была осуществлена в обстановке завышенных ожиданий относительно ее благих последствий: бесспорные преимущества вольного труда не требовали доказательств, нравственный аргумент о негуманности владения «крещеной собственностью» и единодушный призыв общественного мнения к либеральным реформам рассеяли консервативную дворянскую оппозицию и позволили правительству провести серию реформ. Крестьянская реформа шла с большими сложностями, мгновенного возрождения крестьянского хозяйства не произошло, а дворянское явно начало приходить в упадок. Неурожай 1867–1868 гг. в большой (более двух десятков) группе губерний был тревожным знаком, ибо принес власти вместо ожидавшегося процветания и приращения доходов увеличенные обязанности помощи голодающей деревне. Подняла голову консервативная дворянская оппозиция и заговорила о плачевных результатах «эмансипации», разорившей помещичьи хозяйства и не принесшей благополучия свободному крестьянству. Представители аристократической оппозиции начинают оказывать нажим на правительство, с тем чтобы оценить итоги реформы и внести в нее коррективы¹⁰.

Расколовшаяся в 1866 г. в связи с переменами в министерском корпусе сановная верхушка впала в состояние постоянных стычек по всем вопросам внутренней политики — стычек, происходивших в Государственном совете и Комитете министров. Однако это была борьба по частностям между сторонниками великого князя Константина Николаевича, отстаивавшими неприкосновенность проведенных реформ, принцип бессловности, буржуазные ценности, и группировкой шефа жандармов, при каждом конкретном случае стремившейся возродить принцип словности, означавший упрочение позиций дворянства — экономических, социальных и даже политических. К 1872 г. эта последняя, обладавшая к тому же рычагами воздействия на власть и имевшая энергичного лидера, остро ощутила отсутствие в своих рядах идеолога,

¹⁰ Подробнее см.: *Чернуха В. Г.* Борьба в верхах по вопросам внутренней политики царизма: Середина 70-х гг. XIX в. // Исторические записки. М., 1988. Т. 116. С. 161–186.

способного сконструировать убедительную программу возрождения дворянства — экономически, обеспечив ему благоприятные условия хозяйствования в собственных имениях (в частности, выполнение условий найма со стороны сельскохозяйственных рабочих), социально (возвысив его роль в крестьянском самоуправлении, земстве, судах и проч.) и даже политически (предоставив возможность представителям дворянства принимать участие в законосовещательной деятельности). Среди действующих министров, поддерживающих Шувалова, идеологов не нашлось, и тогда было решено вернуть отставленного в 1868 г. министра внутренних дел к активной политической роли, предоставив ему министерский портфель. А. А. Зеленый уходил в отставку, и выбор Александра II, за которым стоял шеф жандармов, был предопределен. Во главе Министерства государственных имуществ был поставлен в апреле 1872 г. опытный администратор, очень умный и образованный человек, умелый тактик — П. А. Валуев, который к тому же пришел со своими представлениями о помощниках. Оболенский, уже работавший в полную силу в качестве фактического министра, подал в отставку. Такова подоплека его ухода из министерской сферы.

Эту отставку — вместо ожидаемого назначения на пост министра — Александр II, не любивший обижать людей, постарался максимально смягчить. Удачным завершением карьеры отставных министров (но не их товарищей) считалось назначение их в члены Государственного совета. Там сановники на почетном месте либо доживали свой век, либо могли — в случае достаточных сил и способностей — дожидаться назначения на новую административную должность для более активной работы.

Государственный совет — высшее законосовещательное учреждение Российской империи — оказался последним пристанищем Оболенского. Последние десять лет жизни и службы были отданы именно этому учреждению. Государственный совет, в то время насчитывающий всего лишь около полусотни человек, был учреждением, в котором его члены могли предаваться ничегонеделанию, ибо Совет собирался один раз в неделю, иногда для решения какой-нибудь законодательной «вермишели», но он же давал возможность людям деятельным принимать активное участие в его работе: читать множество бумаг, выступать по законопроектам, отстаивая правовые, социальные — либеральные или консервативные — принципы. Часть членов Совета, заседавшего тогда еще в Зимнем дворце (Мариинский для Государственного совета был куплен только в середине 80-х годов), прикреплялась к департаментам Совета, где наибольшая работа падала на них. Самым важным был Департамент законов, и тот факт, что Д. А. Оболенский оказался именно в его составе, показывает, что Александр II и председатель Совета великий князь Константин Николаевич намеревались в полной мере использовать его возможности правоведа и уже опытного администратора. Кстати, он оказался под начальством того же великого князя, у которого в Морском министерстве начинал полным надежд и сил административную службу. Однако и он сам и великий князь были уже не теми молодыми людьми, которые встретились двадцать лет назад. В его дневнике встречаются и критические высказывания о патроне, превратившемся в разочарованного и много претерпевшего человека и чиновника.

Для Государственного совета Оболенский был явным приобретением: Совет получил дельного сотрудника. Оболенский же оказался среди знакомых лиц. Там заседал и А. В. Головин, а также многие другие лица, с которыми он служил либо постоянно встречался, во всяком случае — весь министерский корпус. В Государственном совете он переживает смерть великой княгини Елены Павловны и успевает написать о ней воспоминания, самые дельные и значительные из известных, рисующие и ее портрет, и полезную деятельность¹¹. Тогда же он, просмотрев бумаги семейного архива, готовит публикацию документов, обнаруживая присущую ему склонность к истории и литературе. В 1876 г. выходит его трудами и финансированием сборник «Хроника недавней старины»¹².

Д. А. Оболенский в это время — член многочисленных комиссий, учрежденных при Государственном совете для подготовки к обсуждению разного рода правовых вопросов: введения мирового суда в Прибалтийских губерниях, осуществления тюремного преобразования и проч.

Если губернаторские отчеты рассматривались в Комитете министров, то отчеты министров рассматривались в Государственном совете, и самым тяжелым испытанием для Оболенского явилось включение его в число тех членов Совета, на которых была возложена экспертиза отчета министра народного просвещения Д. А. Толстого. Толстой в то время был для людей либеральных воззрений фигурой одиозной, заслужившей критику своим насаждением классических языков с целью отвлечения молодежи от политики и воспитания через классические гимназии людей консервативного склада, а стало быть, верноподданных, преданных монарху. Поскольку в 70-е годы он находился в конфронтации с военным министром Д. А. Милютиным, пестовавшим Военно-хирургическую академию, Женские курсы при ней, а в Академии несколько студентов были признаны неблагонадежными, участниками студенческого движения, то Оболенский, после колебаний, решился на мягкую критику политики в области просвещения своего прежнего товарища. Эта добросовестность означала нарушение чиновных правил, по которым большинство строго следовало закону кастовой поддержки, и поступок Оболенского, действовавшего (как и князь А. И. Васильчиков, публично критиковавший Толстого) по убеждению и чувству чести, вызвал негодование Д. А. Толстого и непонимание Александра II, объяснившего это простой неприязнью. Для Оболенского это было тяжелейшее переживание. Хотя это не повлияло на их отношения с императором, но вызвало у него глубокую обиду.

В 1870-е годы дневник Оболенского содержит больше общеполитических документов, чем частных записей, затем надвигается война, всколыхнувшая все российское общество, и здесь его позиция близка к позиции И. С. Аксакова с его страстной защитой «славянского дела», негодованием по отношению к Германии, а заодно и к российским руководителям внешней политики, включая императора.

¹¹ *Оболенский Д. А.* Мои воспоминания о великой княгине Елене Павловне // Русская старина. 1909. № 3–5.

¹² *Хроника недавней старины: Из архива князя Оболенского-Нелединского-Мелецкого.* СПб., 1876.

Вторая половина 70-х годов для Оболенского — время тяжких переживаний вследствие неудач России сначала в войне, позже, при заключении Берлинского мира, — из-за его условий, при утрате людей, которыми он очень дорожил, — Ю. Ф. Самарина, князя В. А. Черкасского.

Волнения, вызванные развитием событий на Балканах (1875–1878), перешли в тревогу в связи с событиями в самой России: он вообще при ведении дневника переходит на сплошные газетные материалы. Возможно, это нежелание раскрывать собственные переживания, стремление заменить их печатными материалами, чтобы читатель представлял себе ту беспокойную обстановку, в которой жил их предок: покушения на губернаторов, шефа жандармов, императора создавали постоянное ощущение опасности, убеждение, что правительство не контролирует события, не может справиться с небольшой группой «кинжальщиков» и бомбометателей.

До смерти Александра II, в царствование которого он развернулся в полной мере как способный государственный деятель и к деяниям которого был непосредственно причастен, он не дожил нескольких недель. Д. А. Оболенский скончался 22 января 1881 г. от крупозного воспаления легких, проболев неделю. Об этом мы узнаем из некролога его брата Михаила, ковенского губернатора, который скончался от той же болезни пятью годами позже¹³.

*
* *
*

Оболенский в тексте нередко называет свои записки дневником или журналом. Дневником их называет и Б. Э. Нольде. Формально есть основания называть эти записи дневником, ибо они задумывались как дневник: заметки снабжены датами, сообщающими, когда заносилась та или иная запись. Но все же это скорее «записки», нежели регулярно ведущийся дневник, это смешение дневниковых записей и заметок, рассуждений, документов.

Сам Оболенский называл свои записи по-разному, в том числе и «записками». По его собственному признанию, он неоднократно пытался начать вести дневник и, наконец, в 1853–1854 гг., в очередной раз принялся за ведение своих «тетрадей», «журнала» и заполнял их (с перерывами) по 1879 г. включительно. Ключом к его дневнику служат первые странички дошедшей до нас копии: он начал вести «записки» тридцатилетним человеком, и им двигали разного рода побуждения. Будучи человеком уже зрелым, образованным, он не мог не ставить перед собой вопроса о содержании записей и, отвергая принцип поденных записей, начал вести их в очередной раз только тогда, когда, по его собственному выражению, «определил себе положительно цель, для которой принялся писать». Ему — как мемуаристу — казалось неприемлемым заносить в дневник «подробности жизни» либо заурядные общественные события. Вместе с тем его неизменный интерес к прошедшему, к предкам, ощущение преемственности поколений создавали и закрепляли у него чувство, переходящее в убеждение о несомненном интересе потомков к прошедшему, рассказанному именно

¹³ Русский архив. 1886. Т. 1. Кн. 4. С. 536–544.

близкими людьми. Поэтому его «Записки» — документ своеобразный. В них почти отсутствуют записи о семейной жизни: рассказ о смерти отца, замечания о путешествиях, о семье, детях крайне редки и беглы. Точно так же его «Записки» — это и не служебная хроника. Он отмечал только те события, которые воспринимались им как выбивающиеся из общего ряда, значительные. В качестве ближайшей цели он определил назначение «Записок» так: это документ, рассказывающий его потомкам о судьбе предка, но, несомненно, что своим отказом от ведения записей о семье, домашней жизни, он предполагал и возможность более широкого круга читателей, которые посмотрят на прошедшее глазами свидетеля событий тех лет. Сформулированная им цель «Записок» — «отмечать все, что замечательного мною видится и слышится». Это забота о сохранении таких сведений, которые известны только автору и которые, не будучи им отмечены, могут быть утрачены.

К ведению записей Оболенского подталкивала мысль, что его положение дает ему возможность иметь сведения, которые может передать следующим поколениям только он. Особенность его «Записок» — обилие введенных в текст документов. Они — неотъемлемая часть дневника, иногда просто заменяющая самые записи, ибо, по мнению автора, эти документы в полной мере передают и события, в которых жил и действовал автор, и дают возможность представить его чувства.

Д. А. Оболенский, очевидно, принадлежал к числу тех мемуаристов, кто не считал возможным обнажать интимные чувства, был щепетил в этом отношении, считая их только личными переживаниями. Поэтому его записки — это, конечно, восприятие времени, записки современника, и таким было бы их справедливое название.

Записи он вел нерегулярно, иногда забрасывая свои тетради на годы, и даже (1861–1869) на многие годы. Очевидно, он не был педантом, который мог каждодневно усаживаться за свои записи, в таком случае неизбежно превратившись в сухую хронику. Но потом свойственное ему ощущение движения времени, историзма, волнения человека своей эпохи, очень сильное негодование, встряска, разочарование — снова приводили его к дневнику. Обычно это было связано с внешнеполитическими событиями, когда он вместе с другими опасался за судьбу страны, становился на ту или иную сторону, либо в кризисные для России времена. Конец 1870-х годов, когда в России нарастал вал кризиса, связанного с народнической и народофильской деятельностью, с террором, бессилием власти, запечатлен в его «Записках» преимущественно с помощью правительственных сообщений, хроникальных газетных заметок. Он как бы отстраняется от выплескивания эмоций, но одновременно пытается сохранить для внуков атмосферу тревожных дней.

У дневника Оболенского сложная структура: некоторая спонтанность каждой очередной попытки ведения дневника подталкивала его довольно рациональную натуру к каким-то предварительным пояснениям, представлению записок, и потому им предшествует незаконченный отрывок воспоминаний о детстве, юности. Видимо, он был написан вовсе не в 1853 г., открывающем «Записки». Упоминание о статье А. С. Хомякова, увидевшей свет только в 1861 г., беглое замечание

о прежних патриархальных отношениях помещиков и крестьян и противопоставление их другим, формальным, внешним, говорят о том, что эти воспоминания были написаны или выправлены по крайней мере после 1861 г.

Внешнеполитические события — Крымская война, война с Турцией и связанные с ней коллизии, франко-прусская война — для Оболенского — то, что ближайшим образом задевало его чувства.

Словом, перед нами — дневник человека 50–70-х годов, занимавшего видное место в системе российской чиновной иерархии, передающий как события того времени, в том числе не нашедшие отражения в «повременных» изданиях, так и всплески отношения к ним. Дневник передает двойственность положения Оболенского. С одной стороны, служебный ранг, принадлежность к правительственным кругам заставляют его придерживаться официальной точки зрения, и если не принимать, то во всяком случае понимать ее, с другой стороны — его, условно говоря, «славянофильские» симпатии делают ему близкими критические выступления Ю. Ф. Самарина, В. А. Черкасского, И. С. Аксакова против правительства. И он с явной симпатией включает их публичные заявления, письма в состав своих записей. Его «Записки» — это «живая», «дышащая» история середины XIX в. с ее тревогами и радостями, сомнениями, достижениями и издержками.

У автора свои пристрастия. Положение члена Государственного совета, близость к императорской семье, министрам, бюрократии заставляют его тянуть служебную лямку, которую он стремится тянуть сознательно и с пользой для общества. С другой стороны, существует и параллельная внутренняя жизнь — и здесь дневник, очевидно, был своеобразной отдушницей: ему он мог поверять свои тревоги и несогласия, он давал ему возможность внутренне поддерживать «славянофильскую» оппозицию, огорчаться за друзей, иногда бранить их — но и симпатизировать их гражданскому поведению, примыкать к ним мысленно.

*
* *
*

Впервые публично факт существования «Записок» Д. А. Оболенского был оглашен в «Русской мысли» за 1915 г. (№ 4. С. 96–122), когда появилась статья С. А. Гагарина «Константинопольские проливы: Историко-политический очерк». Автор в самом начале статьи поместил список литературы, на которую опирался, и в этом списке значатся «Записки Д. А. Оболенского 1850–1872 гг. (не изданы)».

В № 5 была помещена вторая часть очерка, с пометой «Окончание» и подписью «Князь Сергей Гагарин», (это гл. IV, V и «Заключение»). На с. 51 в подстрочном примечании сказано: «Полный текст циркулярной депеши князя Горчакова приведен в т. III, с. 83 и след. “Записок князя Д. А. Оболенского”», т. е. автор, не имея под рукой другого источника, привел документ по тексту «Записок», где этот циркуляр был воспроизведен. И здесь же, в гл. V — «Лондонская конвенция 1871 г.» (работа князя Гагарина была посвящена дипломатической истории Константинопольских проливов), — было сказано (см. примеч. 3 на с. 52): «Об отношении русского общества к циркуляру кн. Горчакова см. в записках князя Оболенского (Т. III, с. 151 и след.)». Совпадение ссылки с текстом нашего экземпляра позволяет говорить о том, что в то время уже существовала

машинописная копия, одним из экземпляров которой мы располагаем, а стало быть, наша копия — из числа тех, что были у С. А. Гагарина.

Затем о «Записках» Оболенского появились сведения за границей. Б. Э. Нольде в своей книге о Ю. Ф. Самарине, впервые опубликованной в Праге в 20-е годы, упомянув, что он написал ее в 1918–1919 гг. в России (2-е изд.: Париж, 1978. С. 5), скрупулезно называя свои источники, сообщил, что он работал с «Записками» Оболенского, в следующих выражениях: «...я имел возможность пользоваться необнародованными письмами... князя Д. А. Оболенского (в его рукописном дневнике, собств[енности] покойной Е. Д. Новосильцовой», откуда Б. Э. Нольде извлекал письма Ю. Ф. Самарина (Е. Д. Новосильцова — дочь Д. А. Оболенского Елизавета).

Таким образом, у С. А. Гагарина в это время существует машинописная копия, а у Е. Д. Новосильцовой в ее архиве лежит рукописный дневник, возможно подлинный.

Дальнейшая судьба подлинника «Записок» и копий неизвестна. Очевидно, машинописные копии разошлись по семьям потомков. Во всяком случае передача А. Б. Татищевым, правнуком Д. А. Оболенского, жителем США, в 1977 г. ксерокопии «Записок» в нынешний Российский государственный исторический архив говорит именно об этом. Машинописные копии «Записок» обнаруживаются в разных хранилищах: в Российском государственном архиве литературы и искусства, в Российской Национальной библиотеке, где в Отделе рукописей хранится второй том машинописной копии. Возможно и обнаружение их в других хранилищах и частных архивах.

*

* * *

«Записки» государственного деятеля такого ранга — источник редкий, это диктует необходимость введения его в научный и читательский оборот. Именно эту цель и преследует наше издание. Мы ставим своей задачей точную передачу текста «Записок» по той копии, которая была предоставлена правнуком Д. А. Оболенского А. П. Гагариным для издания Санкт-Петербургским институтом истории. Редакторские вторжения в текст минимальны. Текст приведен в соответствие с существующими ныне правилами орфографии и пунктуации. Конъектуры введены в угловые скобки. Немногочисленные неясные места и пропуски указаны под строкой буквами русского алфавита. Примечания автора даны также под строкой и обозначены римскими цифрами. Вставленные автором в текст газетные материалы, письма и выдержки из них даны петитом. Подчеркнутое автором в тексте дается вразрядку. Явные опечатки машинописи исправлены без оговорок. Переводы иностранных текстов обозначены звездочками и помещены под строкой; при переводах с французского* язык оригинала не указывается.

В. Г. Чернуха

* Переводы с французского языка сделаны д. и. н. С. Н. Искюлем.